Владислав Раздъяконов

# Концепт «история вигов» в новой историографии Научной революции

**Vladislav Razdyakonov** — Associate Professor, Centre for the Study of Religion, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. razdyakonov.vladislav@gmail.com

*The concept of «whig history» had a powerful impact on Anglo-American historiography of science. Frequently it has been used as a tool for stigmatization of the «old views» represented in the so called «traditional» historiography of the Scientific Revolution. The article covers several debates, which occurred around the topic, and assumes, that historians of science cannot stop using the «classic» categories, which provide an important tool for understanding both the past and the present developments of science.*

**Keywords:** whig history, presentism, scientific revolution, science and religion, history of science.

*Когда профессор Зилли сказал: «Разрушьте усыпляющую магию нарратива. Задавайте себе вопросы, ставьте перед собой проблемы», — он, возможно, оказал услугу своему поколению. Но сейчас настало время маятнику качнуться в обратную сторону.*

*Джордж Тревельян «Клио, Муза»*[1]

## Концепт «история вигов» и история науки

В 1931 ГОДУ английский историк Герберт Баттерфилд опубликовал небольшую книгу «Интерпретация истории вигами», представив в ней анализ нескольких трудов, посвященных политической истории Великобритании. В своей публикации Г. Баттерфилд стремился продемонстрировать идеологический характер английской политической истории, видение которой напрямую зависело от политических и религиозных предпочтений ее авторов. По его мнению, «протестант-

1. *Trevelyan G. M.* Clio, a Muse, and Other Essays Literary and Pedestrian. London: Longmans Green and Co., 1913. P. 15.

ская историография» конструировала историю в соответствии с собственными ценностными предпочтениями, определяющими различные ее характеристики: история служит оправданию политического устройства; история рассматривает политическое устройство как результат долговременного прогрессивного развития; история трактует революции как события, радикально и позитивно меняющие ход исторического процесса. В конечном счете, история, написанная вигами, была историей тех, кто «изучает прошлое исходя из настоящего»[2], подгоняя историческую реальность под собственные теоретические представления.

Предложенное Баттерфилдом понятие «история вигов» относительно скоро стало популярным в англоязычной исторической науке[3]. Пик его популярности приходится на 70–80-е годы XX века, когда идеи Баттерфилда оказались созвучными некоторым положениям постпозитивистской философии науки и постмодернистской философии истории. «Интерпретация истории вигами» стала рассматриваться как одна из первых попыток деконструкции исторического «великого нарратива», а само понятие начало обозначать любую историю, написанную в соответствии с заранее выбранной методологической или ценностной позиции, которая определяет отбор, структуру и подачу исторического материала[4].

Постмодернистский анализ «традиционных» представлений о сущности и характере исторической работы не обошел стороной и историю науки. Основными предметами критики стали такие ее особенности, как прогрессивное видение истории науки, развивающейся по заранее заданному сценарию, неосознанное использование литературных приемов при построении исторического нарратива и его инструментально-идеологический характер. Острие критики было направлено на различные теоретические ка-

2. *Butterfield H.* Whig Interpretation of History. London: G. Bell, 1931. P. 11.

3. *Ashplant T. G., Wilson A.* Whig History and Present Centered History // The Historical Journal. Vol. 31. No. 1. 1988. P. 1–16; *Ashplant T. G., Wilson A.* Present-Centered History and the Problem of Historical Knowledge // The Historical Journal. Vol. 31. No. 2. 1988. P. 253–275.

4. Как показано Н. Жардин, концепт Г. Баттерфилда «история вигов» был вырван из исторического контекста и «модернизирован» позднейшими историками в соответствии с их «особым» видением истории как науки. См.: *Jardine N.* Whigs and Stories: Herbert Butterfield and the Historiography of Science // History of Science. 2003. Vol. 41. P. 125–127.

тегории, используемые историками, прежде всего на фундаментальную для истории науки категорию «научная революция»[5].

Было показано, что популяризация идеи научной революции состоялась в 40-е годы XX века благодаря историческим трудам А. Койре, Г. Баттерфилда, Р. Холла, М. Боас, которые «не скрывали своего предвзятого (*whiggish*) отношения к научной революции как к событию безусловно положительному»[6]. Их трактовка научной революции находилась во взаимосвязи с пониманием науки, сформировавшимся в первой половине XX века под сильным влиянием философских идей Венского кружка, и во многом благодаря влиянию логических позитивистов научная революция XVII века стала рассматриваться как отдельное историческое событие, открывающее новую эпоху развития научного знания и знаменующее разрыв со старым, прежде всего религиозным, мышлением.

Исторический анализ понятия «научная революция» показал, что представление о «революционном» характере развития науки впервые появляется в сочинениях Бернара Фонтенеля, характеризовавшего возникновение дифференциального исчисления как «математическую революцию». Трактовка XVII века как века научной революции окончательно определяется в творчестве французских энциклопедистов, прежде всего Жана Д'Аламбера, отразившего ее в своем знаменитом предисловии к Энциклопедии[7].

Путем вскрытия исторического контекста появления категории «научная революция» критики стремились показать ее искусственный и неочевидный характер[8]. Основным способом

5. Г. Баттерфилд не предпринял подобного рода «деконструкции» в отношении истории науки, в связи с чем представители «новой» историографии обычно указывают на книгу Г. Баттерфилда «Происхождение современной науки» (1948) как на образец «Whig history». См.: *Dobbs B.* Newton as Final Cause and First Mover // Rethinking Scientific Revolution. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. P. 30.

6. *Porter R.* The Scientific Revolution: A Spoke in the Wheel // Revolution in History. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 295.

7. *Cohen B.* The Eighteenth-Century Origins of the Concept of Scientific Revolution // Journal of the History of Ideas. Vol. 37. 1976. P. 257–288.

8. Основные идеи и аргументация сторонников «новой» историографии представлена в сборниках Reappraisals of the Scientific Revolution / Ed. by *Lindberg D. C.*, *Westman R. S.* Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Rethinking Scientific Revolution / Ed. by *Osler M. J.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000. В качестве образца «новой» историографии можно использовать статью Маргарет Ослер «Религия и меняющаяся историография научной революции», перевод которой приведен в данном сборнике.

разоблачения стала демонстрация несоответствия содержания категории историческим реалиям XVI–XVII веков. В основание критики был положен так называемый «тезис связности», постулировавший существование предыстории у любых изменений, кажущихся на первый взгляд радикальными, и выступавший в качестве своеобразного противоядия против исторической предвзятости[9].

Среди историков сложился консенсус, согласно которому трактовка научной революции как радикального разрыва с прошлым является чрезмерным, неоправданным и, возможно, продиктованным политическими мотивами упрощением истории. В итоге был прямо поставлен вопрос о необходимости отказа от категорий «научная революция» и «наука» при описании исторической реальности XVII века[10]. В 1996 году один из ведущих социологов науки открыл свою небольшую книгу «Научная революция» фразой: «Такого феномена, как научная революция, никогда не существовало»[11].

Критика понятия «научная революция» вызвала волну негативных отзывов со стороны традиционно настроенных исследователей. Большинство авторов, помимо общей критики постмодернистской методологии и практики[12], указывали на то, что отказ от понятия «научная революция» неминуемо влечет за собой распад научной дисциплины. Более осторожные критики настаивали на необходимости точного определения концепта «история вигов»[13], превратившегося со временем в своего рода «приговор» для любого нарратива, который осмеливался рассказывать об истории какого-либо феномена, не затрагивая специфику, характерную для каждого из этапов его развития.

9. *Henry J.* The Scientific Revolution and the Origins of Modern Science. Palgrave, 2002. P. 3.

10. *Cunningham A., Perry W.* De-Centring the «Big Picture»: «The Origins of Modern Science» and the Modern Origins of Science // The British Journal for the History of Science. Vol. 26. No. 4., 1993. P. 407–432.

11. *Shapin S.* The Scientific Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1996. P. 1.

12. *Zagorin P.* Historiography and Postmodernism: Reconsiderations // History and Theory. 1990. Vol. 29. No. 3. P. 263–274; *Zagorin P.* History, the Referent, and Narrative: Reflections on Postmodernism Now // History and Theory. Vol. 38. 1999. P. 1–24.

13. *Mayr E.* When Is Historiography Whiggish? // Journal of the History of Ideas. 1990. Vol. 51. No. 2. P. 301–309; *Hall A. R.* On Whiggism // History of Science. Vol. 21. 1983. P. 45–59; *Harrison E.* Whigs, Prigs and Historians of Science // Nature. 1987. Vol. 329. P. 213–214; *Hull L.* In Defence of Presentism // History and Theory. 1979. Vol. 18. P. 1–15.

## «Традиционная» и «новая» историография

«Новая» и «старая» историография пользуются разными типами исторического рассуждения, основывающимися на разных принципах анализа исторического материала. В исторической науке эти принципы, получившие названия «презентизм» и «антикваризм»[14], по-разному представляют соотношение теоретических категорий и исторического материала в исследовании историка: презентизм настаивает на первичности определения сущности анализируемого предмета, антикваризм утверждает необходимость исходить непосредственно из исторического материала.

Проблема их соотношения в историческом исследовании является центральной проблемой историзма. Ее исток можно обнаружить в историко-философских сочинениях Иоанна Гердера, который впервые так обозначил ее главное противоречие: «Как может существовать единство среди разнообразия, стабильность среди изменения»[15]. Дальнейшая ее постановка и интерпретация была связана с развитием профессиональной исторической науки, прежде всего, в рамках немецкой исторической школы.

«Научная история», как ее представлял Леопольд фон Ранке, противопоставляла свои «эмпирические методы» дедуктивному методу философов и скептически относилась к философской интуиции как средству создания объективной картины ушедшей эпохи. Наличие философской установки у историка считалось свидетельством его предвзятости, что демонстрировалось на примере отношения к историческим фактам философов эпохи Просвещения[16]. Главным принципом исследования историка, в отличие от философа, ориентированного на поиск закономерностей, оказывался «принцип индивидуальности»[17], а сама история трактовалась как нечто среднее между наукой и искусством.

14. *Кузнецова Н. И.* Презентизм и антикваризм как дилемма историко-научного исследования // Познание социальной реальности. Теория познания. Т. 4. М., 1995.

15. *Beiser F. C.* The German Historicist Tradition. New-York: Oxford University Press, 2011. P. 107.

16. *Berlin* I. History and Theory: The Concept of Scientific History // *History and Theory.* 1960. Vol. 1. No. 1. P. 1–31.

17. *Beiser F. C.* The German Historicist Tradition. P. 260.

По-видимому, эта попытка разделения исторического и философского дискурсов стала предпосылкой для будущего конфликта между последователями «антикваризма» и «презентизма» в истории науки. Относясь к истории как к целенаправленному процессу, историк-презентист стремился выявить логику развития исследуемого исторического феномена. Перед началом своего исследования он неминуемо должен был определиться с содержанием категорий используемого им концептуального аппарата: характеристики феномена задавались «из настоящего» самим исследователем в соответствии с его потребностями, интересами и ценностями.

Для историка-антиквариста историческая работа, прежде всего, сводилась к реконструкции целостности взаимосвязей конкретного исторического события. Будучи уникальным по своей природе, исторический факт, рассматриваемый в историческом контексте, ставился в центр внимания историка и делал невозможным рассказ о его развитии в течении сколько-либо длительного промежутка времени. Кроме того, при отсутствии предварительного согласия относительно того, что именно интересует историков, исторический материал обретал способность ставить перед новым исследователем новые вопросы.

Презентизм и антикваризм признавали возможность создания «объективного» представления об историческом феномене, однако по-разному представляли пути его достижения. Если первый подход утверждал, благодаря единству принятых историками понятий, возможность равного доступа всех людей к исторической «реальности», то второй подход исходил из видения мира субъектом истории, вступавшим с историком в неповторимый и уникальный диалог. В рамках первого подхода можно было создать глобальное видение истории, второй же, напротив, обещал ее детальное постижение, пусть и в пределах достаточно ограниченного исторического периода.

«Традиционная» историография научной революции имеет ярко выраженный «презентистский» характер. Научная революция рассматривается как разделяющее культуру Средневековья и культуру эпохи Модерна событие, в ходе которого были сформированы основания «современной» науки[18]. Рассказать о «на-

18. К традиционной историографии можно отнести работы историков науки, которых Ф. Коэн объединяет под рубрикой «Великая традиция»: *Cohen H. F.* The Scientific Revolution: A Historiographical Inquiry. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 21–151.

учной революции» — значит рассказать о ее причинах, о фазах возникновения, развития и завершения этого целостного процесса, а также о его последствиях.

«Новую» историографию характеризует критика «презентистской» установки и связанной с нею формы представления исторического материала: «новые» историки обычно критически относятся к «великому нарративу» истории науки и предпочитают ему отдельные *case-studies*, располагая их в рамках широкого культурного контекста[19]. Отрицая существование «науки» в XVII веке, они предпочитают говорить о «разнообразном спектре культурных практик, направленных на понимание, объяснение и контролирование мира природы, каждая из которых обладает своим собственным набором характеристик и по-разному меняется»[20].

«Новая» историография, практикуя контекстуальный анализ феномена, ставит под сомнение концептуальные категории эпохи Модерна[21]. В ее рамках «научная революция», вписанная в культурно-исторический контекст, выступает как один из этапов «научной эволюции». Под влиянием внешних факторов наука не столько рождается как нечто новое, сколько трансформируется из иных, донаучных, форм знания, а позднее отделяется от них и противопоставляет себя им.

Хотя истоки такой «научной эволюции» можно проследить вплоть до первых памятников письменности Древнего мира, «новая» историография предпочитает этого не делать, чтобы не попасть под чары очередного «великого нарратива», основанного на «презентистской установке». Естественным следствием превалирования контекстуального подхода в историческом исследовании становится отказ от целостной истории науки и трактовка основных этапов ее развития как самостоятельных исторических феноменов, например, средневековой «философии природы» и «науки» Нового времени. Другим следствием оказывается обращение к биографическому методу представления материала: рассказать о научной революции — значит рассказать о конкретных ученых того времени, показав, каким причудливым образом

19. *Osler M. J.* The Canonical Imperative: Rethinking the Scientific Revolution // Rethinking Scientific Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 4.

20. *Shapin S.* The Scientific Revolution. P. 3.

21. *Harrison P.* «Science» and «Religion»: Constructing the Boundaries // The Journal of Religion. 2006. Vol. 86. No. 1. P. 81–106.

в их исследованиях и практиках переплетаются «научные» (то, что сейчас считается научным) и «не-научные» идеи, образуя нерасторжимую амальгаму.

## Философ природы или ученый: случай Ньютона

Фигура Исаака Ньютона имеет принципиальное значение для истории науки. Его имя занимает ключевое положение в любом «традиционном» нарративе об истории научной революции, а рассказ о нем обычно является результирующей и кульминационной точкой повествования. Согласно традиционной историографии, после Ньютона научная революция заканчивается, и начинается, если воспользоваться терминологией Т. Куна, период «нормальной» науки.

Появление ранее неизвестных рукописей Ньютона в 1936 году отчасти поставило под сомнение сложившийся образ Ньютона как творца новой науки: в них были найдены тексты, посвященные проблемам нумерологии и алхимии. П. М. Раттанси и Дж. Макгуайр писали в своей ставшей классической статье: «Нам трудно представить, что механика и космология *Principia* испытали серьезное влияние со стороны теологических взглядов Ньютона и его веры в существование „древнего знания“. Однако сэр Исаак Ньютон был не ученым, он был философом природы»[22].

Попытка разобраться с наследием Ньютона, включающим в себя, помимо научного и оккультного, обширный богословский пласт, привела к созданию отдельного научного направления, комплексно изучающего его творчество. Однако чем дольше велись исследования и чем глубже они становились, тем больше историки склонялись к выводу, что большой нарратив истории науки, рассматривавший творчество Ньютона как кульминацию драмы, завязавшейся то ли в позднем Средневековье, то ли в эпоху Возрождения, значительно упрощает и даже искажает наши представления о нем: «Мы все еще встречаемся с представлением о том, что несмотря на интерес Ньютона к религии и естественной теологии, он каким-то образом отделял свою физику от своей веры. С этой точки зрения, Ньютон предстает перед нам как своего рода протопозитивист и модель для

22. *McGuire J. E., Rattansi P. M. Newton and the «Pipes of Pan»* // Notes and Records of the Royal Society of London. 1966. Vol. 21. No. 2. P. 138.

современной секулярной науки. Последние исследования в историографии Ньютона показывают несостоятельность обоих утверждений»[23].

Такой «выборочный» подход, разделяющий научные и религиозные идеи английского ученого, был естественен для традиционной историографии, которая таким образом могла найти место для Ньютона в глобальном нарративе научных идей. В известном письме Роберту Гуку Ньютон говорил, что своими открытиями он обязан тому, что «стоит на плечах гигантов», и традиционная историография, следуя этому принципу, в целом стремилась продемонстрировать как его зависимость от ранних идей, так и его влияние на идеи последующие. По-видимому, следует признать, что задача оценить место и значение научного творчества Исаака Ньютона в истории науки отличается от задачи реконструировать его жизнь и определить влияние внешних факторов на его научную работу: делая ученого частью нарратива истории науки, историк неминуемо редуцирует его творчество до интересующих его самого идей, отбрасывая все остальные аспекты его личной истории как не имеющие отношения к делу.

По мнению основателя дисциплины истории науки Джорджа Сартона, ее целью было «объяснение взаимосвязи всех наук, их совместных усилий, общих целей и методов»[24]. Предшествовавшие труды философов и историков, затрагивавшие проблемы истории науки, например, труды У. Уэлвелла, казались Джорджу Сартону искусственными, потому что они предлагали вместо единого нарратива множество рассказов о развитии разных наук. Дж. Сартон полагал, что быть историком науки — значит, помимо собственных частных исследований, уметь представить целостный рассказ о развитии научных идей и практик, сменяющих друг друга в определенной логической последовательности.

Вслед за Дж. Сартоном, «традиционные» историки, руководствуясь современным пониманием того, что представляет собой научная деятельность, стремились реконструировать ее прошлое в форме целостной научной биографии, состоящей из достижений людей, которые внесли свой вклад в ее развитие. Однако начиная с 1960-х годов не только в истории науки, но и в исто-

23. *Snobelen S.* Isaac Newton: His Science and Religion // Science, Religion, and Society: An Encyclopedia of History, Culture, and Controversy. Vol. 1. P. 356. New York: M. E. Sharpe, 2007.

24. *Sarton G.* A Guide to the History of Science. Waltham, 1952. P. 51.

рической науке в целом начался очередной процесс дезинтеграции, который выражался в дифференциации различных исторических направлений и в итоге привел к тотальной историзации концептов, выступавших в качестве оснований для целостного нарратива традиционной историографии: «Как широкое сообщество, объединенное общим дискурсом, общими целями и стандартами, история как дисциплина прекратила свое существование»[25]. Сама идея «научной революции» в качестве важного события в глобальном процессе развития науки утратила свою осмысленность, распавшись на отдельные «кейсы», обладающие самостоятельным значением. Не последнюю роль в этой критике играл биографический подход, рассматривавший научное знание в контексте его эпохи и ориентированный на «принцип индивидуальности».

По-видимому, последовательное применение биографического метода неминуемо ведет к разрушению любого эпического нарратива. Поэтому спор о том, был ли Ньютон «ученым», или же на самом деле он был «философом природы», не кажется осмысленным, так как выражает, соответственно, методологические позиции «презентизма» и «антикваризма». Даже если Ньютон сам называл себя «философом природы», он не знал и не мог знать о последствиях своей деятельности и степени ее влияния на последующее развитие того знания, которое позднее стали называть «научным». Даже если само представление о «научном» знании возникает в XVIII веке, когда о нем заговорили энциклопедисты, или же в XIX веке, когда У. Уэлвелл придумал слово *scientist* («ученый» — *В. Р.*), это еще не значит, что до начала разговора об «ученых» самих ученых не существовало.

Реконструкция образа Ньютона как некоего целостного и самостоятельного феномена требует, по сути, растворения истории науки в истории культуры, на что указывали некоторые представители «новой» историографии, говоря о закате истории науки как самостоятельной дисциплины[26]. Конечно, Ньютона можно

25. *Novick P.* That Noble Dream: The «Objectivity» Question and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 628.

26. «Если история науки становится историей различающихся между собой контекстов, если мы подчеркиваем проницаемость временных границ, на которые указывает слово „наука“, разве ее предмет не распадается на отдельные фрагменты социокультурной истории?» (*Brooke J. H.* Presidential Address: Does the History of Science Have a Future? // The British Journal for the History of Science. 1999. Vol. 32. No. 1. P. 2).

определять не только как «героя» научной революции, но и как «одного из величайших неудачников в истории, проигравшего великую битву между силами религии и атеизма»[27], но считать такую «переоценку» единственно верной — значит сознательно делать выбор в пользу выделения определенного фрагмента исторической реальности. Безусловно, Ньютон сыграл свою роль не только в истории науки, но и в истории религии, однако смешение этих ролей не только ставит под сомнение существование истории науки как дисциплины, но и лишает исследователей возможности создать целостную историю развития науки.

## Спор Гранта с Каннингемом

Довольно интересным примером дебатов о применимости в исторических исследованиях концептуального аппарата, сложившегося в эпоху Модерна, является полемика между историком старой школы Эдвардом Грантом и представителем «новой» историографии Эндрю Каннингемом. Полемика шла о том, вправе ли историк использовать «современную» категорию «наука» применительно к реалиям XVII века и не следует ли историкам заменить ее категорией «философия природы». Развивалась эта полемика вокруг сочинений Ньютона, прежде всего в связи с попыткой выявить значение идеи Бога для его философии природы.

Центральный тезис Каннингема сводился к тому, что «наука» и «философия природы» суть два разных предприятия. В то время как для понимания первой мы можем не принимать во внимание идею Бога, для понимания второй эта идея необычайно важна. Поскольку «философия природы» представляла собой самостоятельный культурный феномен, включавший в себя множество разных идей и практик, находившихся в органическом синтезе, «нам следует смотреть не на „влияние“их [ученых] религии на их философию природы (или наоборот), но на то, как их отдельные религиозные взгляды и цели *становились составной частью* (курсив автора. — *В. Р.*) их философии природы»[28]. Каннингем особо оговаривает, что «философию природы» невоз-

27. *Dobbs B. J. T.* Newton as Final Cause and Prime Mover // Rethinking Scientific Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 39.

28. *Cunningham A.* How the Principia Got Its Name or Taking Natural Philosophy Seriously // History of Science. 1991. Vol. 29. P. 382.

можно редуцировать к «синтезу науки и религии», так как это было бы чрезмерным «упрощением» и «модернизацией» исторической реальности.

К моменту начала дискуссии Каннингем уже опубликовал известную статью, в которой призывал историков науки пересмотреть сложившийся концептуальный аппарат, в частности, отказаться от использования понятия «научная революция» применительно к событиям раннего Нового времени, поскольку понятие «научной революции должно быть не столько переписано, сколь стерто»[29]. Острие его критики в этой полемике было направлено против, как ему казалось, некритически используемой Грантом оппозиции «наука/религия» в качестве инструмента для анализа[30]. Очевидно, он вполне разделял распространенную точку зрения об искусственном характере сложившихся в эпоху модерна аналитических категорий, с сочувствием относился к требованиям отказа от них[31] и был глубоко убежден, что наука как предприятие, обладающее определенными специфическими характеристиками, возникла в Новое время. Если историки не будут использовать для описания эпохи ее собственные категории, они не смогут понять специфический характер «философии природы», сводя ее характеристики к характеристикам науки Нового времени.

Ответ Гранта состоял в том, что позиция Каннингема не предполагает разговора о сущности науки и философии природы, а подход, который тот практикует, «может быть охарактеризован как „контекст над текстом“или, может быть, даже „контекст без текста“»[32]. Используя классическую для позитивистских представлений метафору, Грант сравнил историю науки с процессом постепенного взросления человеческого организма, который остается предметом исследования, несмотря на то, что претерпе-

29. *Cunningham A., Williams P.* De-Centring the «Big Picture»: «The Origins of Modern Science» and the Modern Origins of Science // The British Journal for the History of Science. 1993. Vol. 26. No. 4. P. 417.

30. *Cunningham A.* The Identity of Natural Philosophy. A Response to Edward Grant // Early Science and Medicine. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 268.

31. *Osler M. J.* Mixing Metaphors: Science and Religion or Natural Philosophy and Theology in Early Modem Europe // History of Science. 1998. Vol. 36. P. 91–113; *Wilson D. B.* On the Importance of Eliminating Science and Religion from the History of Science and Religion // Facets of Faith and Science. Vol. 1. The Pascal Centre for Advanced Studies in Faith and Science: University Press of America, 1996. P. 27–47.

32. *Grant E.* God and Natural Philosophy: The Late Middle Ages and Sir Isaac Newton // Early Science and Medicine. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 282.

вает в ходе своего развития значительные изменения. Если Каннингем упрекал Гранта в том, что тот действует в истории выборочно, игнорируя широкий культурный пласт, то Грант отвечал, что он всего лишь берет из истории то, что ему нужно для решения своей задачи.

Полемика между учеными отражала конфликт двух вышеозначенных методологических принципов. Антикваризм требовал от Каннингема рассматривать исторические материалы, исходя из логики и интересов создателей этих материалов: понять значение того или иного исторического события можно, лишь став конгениальным самому событию, то есть попытавшись воссоздать в своем тексте полноту мышления действующего субъекта истории. Такой подход ставил под сомнение возможность независимого существования каких бы то ни было «узких», частных историй, например, истории религии или истории науки.

Презентизм принуждал Гранта искать не различия, объективно существующие между разными эпохами, но сходства, основываясь при этом на определенном «эссенциалистском» представлении о «науке». По сути, Грант ставил перед собой задачу, отличную от задачи, поставленной Каннингемом: выявить элементы научного знания, прежде всего «знания о природе», проследить их эволюцию и предложить читателю целостный нарратив. Культурный, социальный, религиозный контекст развития науки если и был ему необходим, то лишь для того, чтобы выявить причины, приведшие к научной революции: «Настоящее исследование, не опровергая старой, узкой интерпретации, предлагает для обсуждения более широкий контекст»[33].

Обвиняя друг друга в непоследовательности, историки на самом деле были вполне последовательны. Один из них был сторонником «новой» историографии, решительно отрицавшей великие нарративы и стремившейся заговорить на языке исследуемой исторической эпохи. Другой — сторонником «старой» историографии, предпочитавшей говорить о развитии интересующего его явления, предварительно сформировав представление о том, что именно он собирается изучать. Вместе с тем полемика между двумя учеными, на мой взгляд, высвечивает центральный

33. Э. Грант — о соотношении его новой книги и предыдущего «интерналистского» исследования «Physical Science in the Middle Ages» (1971): *Grant E.* The Foundations of Modern Science in the Middle Ages. Their Religious, Institutional and Intellectuals Contexts. New York: Cambridge University Press, 1996. P. XIII.

конфликт, вокруг которого велись дебаты «старой» и «новой» историографии: он касается того места, которое занимает идея прогресса в историческом исследовании.

## Возвращаясь к «научной революции»

Долгое время историки не уделяли должного внимания широкому культурному контексту развития науки, придерживаясь интерналистской установки, согласно которой наука развивается из самой себя благодаря усилиям отдельных выдающихся личностей. Изначально критическое понятие «история вигов» в рамках «новой историографии» относилось к сочинениям, не учитывающим влияния вненаучных, прежде всего религиозных, факторов в развитии науки[34]. Однако впоследствии это понятие стало инструментом стигматизации любого длительного и целостного нарратива, претендующего на описание прошлого как процесса последовательного развития[35].

По моему глубокому убеждению, осуждение «презентистской установки» «старой» историографии, с которого начинаются многие книги сторонников «новой» историографии, играет роль полемического инструмента, предназначенного для утверждения собственной — новой — идентичности. В случае с «новой» историографией, опирающейся на сочинения социологов и философов, деконструировавших западную интеллектуальную традицию[36], мы имеем дело с новым изводом старого спора XVII века о «древних и новых»: «В культуре эпохи Модерна для того, чтобы быть услышанным, интеллектуал обязан утверждать, что он говорит нечто совершенно новое»[37].

«Новая» историография активно пытается преодолеть свою зависимость от науки, выражавшуюся в следовании методологическим установкам позитивистской философии науки. В качестве

34. *Wilson D. B.* The Historiography of Science and Religion // Science & Religion: A Historical Introduction / Ed. Ferngren G. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002. P. 4.

35. О том, что любая линейная история неминуемо оказывается «историей вигов», убедительно пишет Холл: *Hall A. R.* On Whiggism // History of Science. 1983. Vol. 21. P. 52.

36. *Латур Б.* Конституция или устройство Нового времени // Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского Университета, 2006. С. 74–85.

37. *Evans R.* In Defence of History. New York: W. W. Norton and Company, 2000. P. 174.

таких установок критическая история науки выделяет, к примеру, миф автономности, миф прогрессивного развития, миф объективности научного знания[38]. Более того, некоторые радикальные представители «новой» историографии указывают на то, что историки, в отличие от ученых, обязаны занимать критическую позицию, не выступать от имени «последней реальности» и преодолевать навязанные им научные стереотипы, заставляющие их воспринимать историю науки как историю постепенного прогрессивного развития научных идей и практик[39].

Мне представляется, что, впадая в революционный пафос преодоления больших нарративов, представители «новой» историографии попадают в ими самими расставленную ловушку: их «контекстуальный» подход по сути дела оказывается безальтернативным, а слово «предвзятость» служит лишь удобным слоганом для отвержения любого великого нарратива, претендующего на рассказ о прогрессивном характере развития того или иного феномена. «Новая» историография научной революции была частью огромного потока текстов, направленных на развенчание «мифа» прогресса и связанного с ним «европоцентризма» — как идеологий, обеспечивающих прикрытие борьбы за власть; а используемая ею деконструкция «понятий» в качестве основного инструмента критики нарратива апеллировала к лингвистическому повороту в истории и философии. В данном случае борьба с «предвзятостью» во многом имеет политический характер и, по-видимому, связана с культурными тенденциями послевоенной Европы[40].

Попытка отказаться от идеи прогресса обычно заставляет историка ограничиваться комплексными исследованиями, направленными на работу с «узким», локальным историческим материалом. Однако отказ от «великого нарратива» внутренне противоречив: идея линейной истории все равно проникает в сочинение историка, даже в случае конкретного биографического описания, привнося в него изрядную долю той самой «пред-

38. *Schuster J.* The Problem of Whig History in the History of Science // The Scientific Revolution: An Introduction to the History and Philosophy of Science. Wollongong, 1995. P. 17.

39. *Forman P.* Independence, Not Transcendence, for the Historian of Science // Isis. 1991. Vol. 82. P. 78.

40. *Osler M.* Religion and the Changing Historiography of the Scientific Revolution // Science and Religion. New Historical Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 82.

взятости», которой был объявлен крестовый поход. В конечном счете, любая история всегда оказывается телеологичной и онтологичной: «новая» историография, осуждая предвзятые взгляды «старой» историографии, забывает о том, что ее собственные основания тоже могут быть рационализированы и подвергнуться критике.

Две историографии научной революции — «традиционная» и «новая» — принципиально не противоречат друг другу, так как презентизм и антикваризм являются двумя неразрывно связанными ракурсами исторического исследования, стремящегося не только как можно точнее отразить историческую реальность, но и показать процесс развития того или иного феномена в истории. Именно по этой причине постановка вопроса о том, имела ли в действительности место научная революция, некорректна: с позиции антикваризма ее не было и не могло быть, но с позиции презентизма она, безусловно, была; более того, она была совершенно необходима с точки зрения линейной истории, претендующей на объяснение событий истории науки в длительной исторической перспективе.

В последние десятилетия XX века у историков сложился негативный консенсус относительно пользы и значимости «великих нарративов». Предпочтения обычно отдаются исследованиям, посвященным отдельным историческим эпизодам, представленным в форме тематического анализа: «великая картина прошлого» распалась на множество отдельных фрагментов, которые невозможно сложить в целостную картину исторического развития. Задача историка начала сводиться к тому, чтобы, с одной стороны, выразить уникальный характер исторического события и при этом отказаться от «европоцентризма» и порожденных им концептов и категорий.

Попытка отказа от традиционного концептуального аппарата приводит к кризису научной идентичности, выход из которого обычно осуществляется за счет генерализации концептуальных категорий исследования. Первой такой генерализацией в истории науки стало в «традиционной» историографии само понятие «наука», заменившее прежде распространенные истории разных наук. Второй генерализацией стало понятие «культура», по сути растворившее в себе историю науки и включившее в себя совершенно разные, с точки зрения эпохи Модерна, феномены: религию, науку, магию, искусство, общество, право и т.д. Однако, подобная генерализация, не говоря уже о возможной последую-

щей, снимающей противопоставление европейской культуры неевропейскому миру, лишает историка возможности строить «великие нарративы», так как их просто не из чего строить — все кирпичики, постольку поскольку они искусственны, признаются негодными.

Мне представляется, что полноценное историческое исследование не должно допускать превалирования антикваристской установки: диалог между историческим материалом и историком возможен лишь тогда, когда историк ясно осознает и принимает ту интеллектуальную традицию, к которой он принадлежит. Такие категории, как «наука», «религия», «научная революция», являются универсальными инструментами исторического познания, сформировавшимися в период расцвета европейской цивилизации. Представление об их искусственном характере свидетельствует о кризисе историографии, пытающейся, с одной стороны, заговорить на языке изучаемой ей эпохи, а с другой, продолжающей пользоваться все тем же привычным концептуальным аппаратом, постоянно оговариваясь, что таким образом она неминуемо модернизирует исторический контекст. «Новая историография», отдавая неоправданное предпочтение антикваризму, забывает, что для полноценного исторического исследования необходим не только субъект истории, но и сам историк, пользующийся интеллектуальным багажом своей собственной традиции.

Концепт «история вигов» как полемический инструмент полезен для развенчания доктринерских теорий, абсолютизирующих какое-либо единственно верное восприятие прошлого. Более того, критика «презентизма» сыграла важную роль в процессе складывания позиции умеренного экстернализма, признающего серьезное влияние внешних культурных факторов на развитие научного знания. Значительное количество публикаций, раскрывающих многообразие взаимосвязей между научными и религиозными идеями в эпоху Научной революции, служит хорошим примером критики традиционных представлений о конфликтном характере взаимоотношении науки и религии.

Вместе с тем, хотя религиозные и научные идеи действительно, порой, сильно переплетены в историческом контексте, что, наверное, могут продемонстрировать любые биографические исследования ученых эпохи Научной революции, это не означает, что наука и религия не представляют собой два разных предприятия с точки зрения европейской интеллектуальной традиции. В рамках этой традиции категория «научная революция» продолжит

играть важную эпистемологическую роль, акцентируя внимание историков на изменениях, произошедших в XVI–XVII веках, и по праву может считаться «ключом не только к истории науки, но и к современной истории»[41], а, в конечном счете, и ключом к пониманию уникальной специфики самой европейской культуры.

## Библиография

*Кузнецова Н. И.* Презентизм и антикваризм как дилемма историко-научного исследования // Познание социальной реальности. Теория познания. Т. 4. М., 1995.

*Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского Университета, 2006.

*Kuznecova N. I.* Prezentizm i antikvarizm kak dilemma istoriko-nauchnogo issledovanija // Poznanie social'noj real'nosti. Teorija poznanija. T. 4. M., 1995.

*Latur B.* Novogo vremeni ne bylo. Jesse po simmetrichnoj antropologii. SPb.: Izd-vo Evropejskogo Universiteta, 2006.

*Ashplant T. G., Wilson A.* Present-Centered History and the Problem of Historical Knowledge // The Historical Journal. 1988. Vol. 31. No. 2. P. 253–275.

*Ashplant T. G., Wilson A.* Whig History and Present Centered History // The Historical Journal. 1988. Vol. 31. No. 1. P. 1–16.

*Beiser F. C.* The German Historicist Tradition. New-York: Oxford University Press, 2011.

*Berlin* I. History and Theory: The Concept of Scientific History // *History and Theory.* 1960. Vol. 1. No. 1. P. 1–31.

*Brooke J. H.* Presidential Address: Does the History of Science Have a Future? // The British Journal for the History of Science. 1999. Vol. 32. No. 1. P. 1–20.

*Butterfield H.* Whig Interpretation of History. London: G. Bell, 1931.

*Cohen B.* The Eighteenth-Century Origins of the Concept of Scientific Revolution // Journal of the History of Ideas. 1976. Vol. 37. P. 257–288.

*Cohen H. F.* The Scientific Revolution: A Historiographical Enquiry. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

*Christie J. R. R.* The Development of the Historiography of Science // Companion to the History of Modern Science. London: Routledge, 1996. P. 5–22.

*Cunningham A.* The Identity of Natural Philosophy. A Response to Edward Grant // Early Science and Medicine. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 259–278.

*Cunningham A.* How the *Principia* Got Its Name or Taking Natural Philosophy Seriously // History of Science. 1991. Vol. 29. P. 377–392.

*Cunningham A., Williams P.* De-Centring the «Big Picture»: «The origins of Modern Science» and the Modern Origins of Science // The British Journal for the History of Science. 1993. Vol. 26. No. 4. P. 407–432.

41. *Westfall R.* The Scientific Revolution Reasserted // Rethinking Scientific Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 51.

*Dobbs B.* Newton as Final Cause and First Mover // Rethinking Scientific Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 25–40.

*Forman P.* Independence, Not Transcendence for the Historian of Science // Isis. 1991. Vol. 82. P. 71–86.

*Grant E.* The Foundations of Modern Science in the Middle Ages. Their Religious, Institutional and Intellectuals Contexts. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

*Grant E.* God and Natural Philosophy: The Late Middle Ages and Sir Isaac Newton // Early Science and Medicine. 2000. Vol. 5. No. 3. P. 279–298.

*Hall A. R.* On Whiggism // History of Science. 1983. Vol. 21. P. 45–59.

*Harrison E.* Whigs, Prigs and Historians of Science // Nature. 1987. Vol. 329. P. 213–214.

*Harrison P.* «Science» and «Religion»: Constructing the Boundaries // The Journal of Religion. 2006. Vol. 86. No. 1. P. 81–106.

*Henry J.* The Scientific Revolution and the Origins of Modern Science. Palgrave: Macmillan, 2002.

*Hull D.* In Defense of Presentism // History and Theory. 1979. Vol. 18. P. 1–15.

*Jardine N.* Whigs and Stories: Herbert Butterfield and the Historiography of Science // History of Science. 2003. Vol. 41. P. 125–140.

*Lindberg D., Westman R.* Reappraisals of the Scientific Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

*Mayr E.* When Is Historiography Whiggish? // Journal of the History of Ideas. 1990. Vol. 51. No. 2. P. 301–309.

*McGuire J. E., Rattansi P. M. Newton and the «Pipes of Pan»* // Notes and Records of the Royal Society of London. 1966. Vol. 21. No. 2. P. 138.

*Novick P.* That Noble Dream: The «Objectivity» Quetsion and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

*Osler M. J.* The Canonical Imperative: Rethinking the Scientific Revolution // Rethinking Scientific Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 3–24.

*Osler M. J.* Mixing Metaphors: Science and Religion or Natural Philosophy and Theology in Early Modem Europe // History of Science. 1998. Vol. 36. P. 91–113.

*Osler M.* Religion and the Changing Historiography of the Scientific Revolution // Science and Religion. New Historical Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 71–86.

*Porter R.* The Scientific Revolution: A Spoke in the Wheel // Revolution in History. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 290–316.

*Sarton G.* A Guide to the History of Science. Waltham, 1952.

*Shapin S.* The Scientific Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

*Schuster J.* The Problem of Whig History in the History of Science // The Scientific Revolution: An Introduction to the History and Philosophy of Science. Wollongong, 1995.

*Snobelen S.* Isaac Newton: His Science and Religion // Science, Religion, and Society: An Encyclopedia of History, Culture, and Controversy. Vol. 1. New York: M. E. Sharpe, 2007. P. 355–369.

*Trevelyan G. M.* Clio, a Muse, and Other Essays Literary and Pedestrian. London: Longmans Green and Co., 1913.

*Westfall R.* The Scientific Revolution Reasserted // Rethinking Scientific Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 41–55.

*Wilson D. B.* On the Importance of Eliminating Science and Religion from the History of Science and Religion // Facets of Faith and Science. Vol. 1. The Pascal Centre for Advanced Studies in Faith and Science: University Press of America, 1996. P. 27–47.

*Zagorin P.* Historiography and Postmodernism: Reconsiderations // History and Theory. 1990. Vol. 29. No. 3. P. 263–274.

*Zagorin P.* History, the Referent, and Narrative: Reflections on Postmodernism Now // History and Theory. 1999. Vol. 38. P. 1–24.